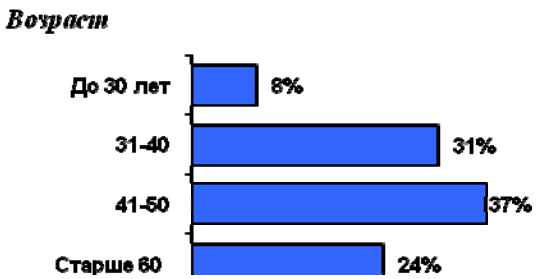
Источник: *Куренной В. А.* Интеллектуально-активная группа: Мировоззрение, специфика социальных функций и идеологические дифференциации в контексте постсоветской трансформации. // Общество своими глазами: Избранные материалы результатов открытого конкурса "Проблемы развития современного российского общества" 2007-2008 гг. Москва: Институт общественного проектирования, 2008. С. 33-35.

Куренной В.А.

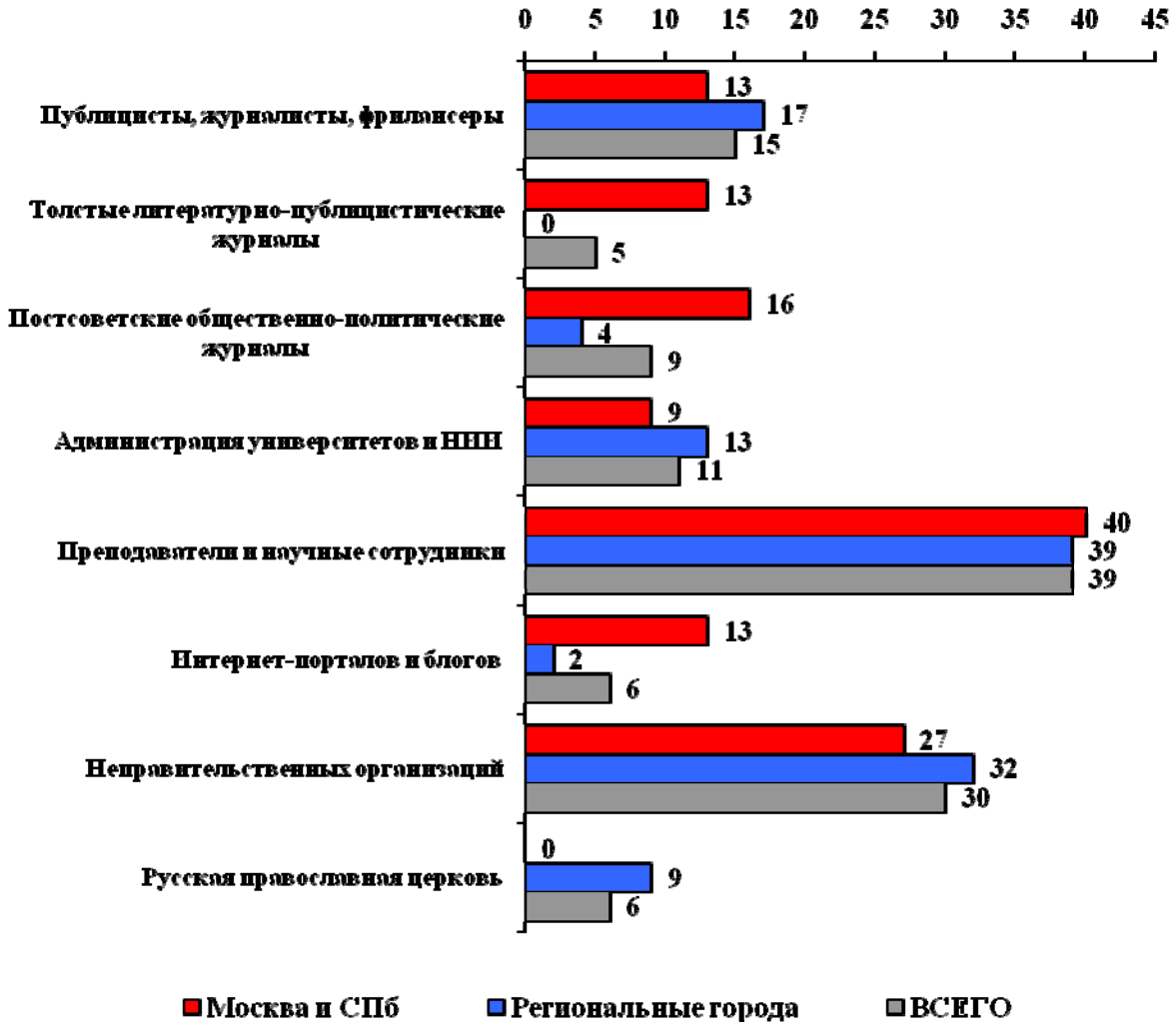
Интеллектуально-активная группа: Мировоззрение, специфика социальных функций и идеологические дифференциации в контексте постсоветской трансформации

Качественное социологическое исследование (проводилось на базе фонда «Наследие Евразии» (Москва)), посвященное состоянию интеллектуально-активной группы, проводилось в 13 городах России (Москва, Петербург, Архангельск, Владимир, Дубна, Екатеринбург, Иркутск, Казань, Калининград, Нижний Новгород, Новосибирск, Ростов-на-Дону, Тула) и включало в себя проведение 20 круглых столов, интервьюирование (100 интервью) и анкетирование.



Тема исследования, с одной стороны, тесно связана с традиционной российской темой интеллигенции. С другой стороны, уже на этапе выработки рабочих гипотез предполагалось, что советский феномен интеллигенции в современной, постсоветской России, трансформируется в новые формы, эта группа дифференцируется, приобретает новые функции. Каковые эти новые формы общественной активности, каково состояние публичной интеллектуальной среды в различных регионах России, каковы типические мировоззренческие установки представителей интеллектуально-активной группы, как они оценивают современную российскую общественно-политическую действительность — вот те вопросы, на выяснение которых было нацелено исследование.

Распределение трудовой занятости, % по столбцу



Учитывая крайнюю неопределенность и даже субъективность понятия «интеллигенция», в основу выборки был положен институциональный критерий. Таким образом, в сферу исследования были включены представители образовательных и научных учреждений, масс-медиа и Интернета, неправительственных и некоммерческих организаций, творческих союзов, фрилансеры и публицисты, а также представители Русской Православной Церкви. Сам формат реализации проекта, выстроенный вокруг круглых столов, уже по фактору достижимости позволил выявить различную степень открытости этих групп для взаимодействия в публичном коммуникативном пространстве. Наибольшую открытость демонстрируют представители академического сообщества и неправительственных организаций, наименьшую — представители РПЦ.

Институциональный принцип, использованный в ходе исследования, является не плоской шкалой рядоположенных структур, но матрицей, имеющей два измерения: причастность центрам производства знания (формальный критерий «интеллектуальности») и причастность общественным, медийным1 и культурным

[1] Понятие «медиа» здесь используется в широком смысле: от печатной продукции (книги) до телевидения и Интернета.

институтам (формальный критерий «активности» (публичности), понимаемой здесь как ориентацию на аудиторию помимо профессиональной сферы деятельности). Если концептуализировать предмет исследования в этих институциональных терминах, то он может быть определен как «публичная интеллектуальная сфера», структурированная в соответствии со следующей открытой матрицей, в которой по вертикали задан критерий «интеллектуальности», а по горизонтали — «активности» («публичности»):

Публичная интеллектуальная сфера

		Центры производства знания	
		+	-
Публичные пространства	+	Сильная позиция	
	-		Слабая позиция

В социально-деятельностных терминах эту же ситуацию можно описать как совмещение (гибридизацию) агентом нескольких социальных ролей — научного и публициста и т. д. Пространства публичности, расположенные на вертикальной шкале (СМИ, Интернет, открытые семинары и лекции) являются также основной категорией «заказчиков», формирующих спрос на интеллектуальную продукцию.

Социальные маркеры

Основные понятия, используемые социально-активной группой, — «интеллигенция», «интеллектуал», «эксперт», «профессионал», а также различные профессиональные и деятельностные самоидентификации («университетский преподаватель», «поэт», «художник»). В некоторых случаях употребляются другие

социально-стратификационные понятия («средний класс»). Использование данных понятий зависит от актуального контекста коммуникации и во многих случаях не является устойчивым.

Понятие «интеллигенция» является наиболее ценностно-нагруженным социальным маркером, ассоциированным с прошлым (в первую очередь, советским прошлым). Эта особенность определяет также специфику отношения к нему: интеллигенция определяется (нередко с ностальгией) как ушедший или уходящий в прошлое социальный феномен. Главным для нее является не набор интеллектуальных компетенций, а габитус поведения («и моральные принципы, и воспитание, и речевая культура вместе взятые»), определенный тип социальной роли («миссия»), для исполнения которой в современном обществе нет необходимых социальных условий или запросов. В таком качестве понятие «интеллигенции» противопоставляется — нередко с осуждением — понятию «интеллектуал», понимаемому как ценностно-нейтральный социальный тип, успешно использующий (продающий) свои интеллектуальные компетенции. Однако в городах с высокой плотностью культурно-интеллектуальной жизни — прежде всего, в Москве и Петербурге — понятию «интеллектуал» придается позитивный социально-значимый смысл, связанный с активной вовлеченностью в общественные, политические и городские проблемы, специфической социально-критической позицией. Соответственно, нейтральные интеллектуальные компетенции подводятся уже не под понятие «интеллектуал», а под понятие «эксперт» или «профессионал». Последние рассматриваются как роли, связанные с продажей своих интеллектуальных компетенций на рынке, с работой «на заказ», успешностью, не обремененностью какой-то самостоятельной интеллектуально-критической или социально-мировоззренческой позицией.

Данное смещение социально-идентификационных понятий говорит о структурных изменениях современной российской интеллектуальной среды, по отношению к которой советское понятие «интеллигенции» не является релевантным.

Социальные функции и модели социального поведения

Одна из основных задач исследования заключалась в попытке ответить на вопрос, в каких сферах социальной активности формально-выделяемая интеллектуально-активная группа является реально социально интегрированной и активной за пределами своей профессиональной сферы и своих корпоративных лояльностей. По результатам исследования можно сказать, что основной особенностью интеллектуально-активной группы является высокая социальная *фрагментированность*. Основные причины, называемые источником данной ситуации:

- отсутствие материальных и временных ресурсов для самоорганизации, активности за пределами профессиональной сферы;
- индивидуализм как доминирующая стратегия поведения;

- нарастающая профессионализация и специализация интеллектуальной деятельности;
- сверхэксплуатация собственных интеллектуальных ресурсов (преподавательские подработки и т.д.);
- отсутствие городской (локальной) коммуникативной инфраструктуры;
- отсутствие социального запроса, а иногда и прямой антиинтеллектуализм («бескультурье») общества и властных структур.

К указываемым причинам фрагментированности интеллектуально-активной группы следует относиться с определенной долей критичности: помимо внешних причин существуют, очевидно, и внутренние факторы. В их числе — автономизм, приобретающей характер социального эскапизма; отсутствие социальных навыков самоорганизации (что в какой-то мере объяснимо инертностью советского опыта); привычка апеллировать к государству или (уже в постсоветский период) опираться на фактически благотворительные средства различных фондов и т.д.

Социальная фрагментированность формирует такую модель социального поведения, как *автономизм*: индивидуальная реализация культурной миссии, позиция, как выразился один из респондентов, «монахов культуры». Органичной формой реализации автономистской модели социального поведения является профессиональная деятельность в рамках, преимущественно, образовательных, академических и культурных институтов. Автономистская модель, таким образом, не является уделом одиночек — она основывается на существующей системе общественных институтов — образовательных и культурных, которые и являются естественной средой реализации автономистской модели интеллектуальной активности. Реализация определенных публичных инициатив на базе этих институтов (организация семинара или регулярных лекций на базе музея, библиотеки, университета и т.д.) в этом отношении является не чисто автономным, а институционально-фундированным типом публичной социальной активности.

В российской интеллектуальной среде функционируют и другие модели интеллектуального поведения, предполагающие активную позицию и социальную самоорганизацию. Эти модели можно дифференцировать, исходя из предполагаемого ими горизонта интеллектуальной активности и соответствующего типа социального действия: *интернациональная*, *национальная*, *республиканская/областная*, *городская*. Выбор и устойчивое воспроизводство одной из этих моделей обусловлен, с одной стороны, мировоззренческой содержанием парадигмы, практикуемой той или иной интеллектуальной группой. С другой стороны, для этого требуется некоторая критическая масса институциональных и коммуникативных условий, достаточных для поддержания или развития соответствующей модели поведения. Дефицит политического участия, нередко констатируемый по сравнению с периодом 1990-х гг., в некоторых регионах сравнительно эффективно компенсируется активностью в форме городской модели социального действия.

Мировоззрение и идеологические дифференциации

Политико-идеологическая конкретность характерна лишь для узкой группы «идеологических виртуозов», действующих в логике интернациональной и национальной модели социального действия. Эта отчетливо дифференцированная группа, сконцентрированная, прежде всего, в Москве, формирует основной объем предложения на российском идеологическом и мировоззренческом рынке. Продукция этого рынка покрывает весь спектр возможных политико-идеологических позиций (от крайне либерального до крайне консервативного). В то же время ограниченный уровень спроса на продукцию массового производителя политико-идеологического сектора, доминирование ограниченного круга потребителей (прежде всего, государства) порождает у идеологических виртуозов требование расширения потребительского спроса, что политически формулируется как требование демократизации.

В структурном отношении основной проблемой является то, что данный рынок ограничен территориально, фактически ограничиваясь средой московских и, в некоторой степени, питерских интеллектуалов. Идеологические виртуозы, разбирающиеся в нюансах текущей политической конкуренции, сосредоточены именно здесь. Исключение на региональном уровне представляют единицы. За пределами этой зоны фактически нет ни интеллектуально-идеологического рынка, ни дифференцированной интеллектуальной конкуренции. Эмпирическим показателем этого является то, что контрольные вопросы, связанные с текущим политико-интеллектуальным состоянием российского общества, воспринимаются как *нерелевантные* актуальному социальному опыту представителей региональных интеллектуально-активных групп, а фиксируемые «ответы по существу» имеют ситуативный характер. При этом собеседники отдают себе ясный отчет в контекстуальной обусловленности этой своей позиции, связанной, в частности, с отсутствием соответствующей общественно-политической, интеллектуальной и городской инфраструктуры.

Аналитические материалы проекта и историко-теоретический очерк, посвященный истории и теориям интеллигенции и интеллектуалов в настоящее время готовится к публикации в Фонде «Наследие Евразии».